

У нас в гостях лауреат Ленинского комсомола, заслуженный артист РСФСР Юрий КУКЛАЧЕВ

● СКАЖИ-КА, ДЯДЯ

У КОШКИ ЧЕТЫРЕ НОГИ

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ телефонным звонком. Юрий Дмитриевич говорит со служебным входом. Голос моментально становится нежным, но твердым:

— Мамуля, не пускайте ее! Вы же знаете, у меня уже 30 кошек! Я их не прокормлю!

Москва несет кошек Куклачеву. Это здесь — Москва. Цветной бульвар. Старый цирк. А в Краснодаре — Краснодар несет кошек Куклачеву.

— Единственная просьба к вашей будущей статье: чтобы после нее не понесли кошек еще больше.

И мы соглашаемся.

— Я ВЕДЬ, между прочим, совсем даже и не дрессировщик кошек. Слово «дрессировщик» мне не нравится два раза. Первый раз потому, что у меня другая профессия, я клоун. А второй раз потому, что я в жизни никого не дрессировал.

И всем, кто ко мне пишет с просьбой объяснить метод дрессировки своей домашней любимицы, я советую этого не делать.

Хотя многие утверждают, что кошки вообще дрессировке не поддаются, — дело совсем не в этом. Для меня это даже слово противно. Просто надо найти с кошкой общий язык.

Другими словами, найти кошку, которая любит делать как раз то, что ей положено по номеру. Тогда вы оба будете довольны друг другом.

Мне не только несут кошек, на меня еще жалуются. Что когда у меня кошка стоит на передних лапах, то к задним привязана невидимая леска.

Я не живодер. Пусть спросят у самой кошки, она правду скажет, только сначала пусть научатся понимать ее язык.

— А ВСЕ-ТАКИ все вас вспоминают сразу с кошкой...

— А как же. Так и задумано. А Олега Попова вспоминают сразу с кепкой. А Карандаша — сразу с Кляксой.

— А-а, — сказали мы.

— Ага, — сказал он. — У клоуна должен быть опознавательный знак. Но это только начало. Как начало и сам смех. И главная ошибка, или по крайней мере, самая распространенная в клоунаде, да и не только в ней, — видеть смех итогом.

Артист выражает все чувства. А клоун — артист. Только все чувства он должен выражать самыми крупными буквами. Такими, которые понятны даже тем, кто вообще не умеет читать.

А таких букв на любой странице помещается мало. Поэтому они должны быть самыми главными. Помните, как у Маяковского:

Но становится «А»
недоступней Казбека,
замутит,
оттянет от хлеба и сна.

— НО ПОЧЕМУ ЖЕ началом вашей азбуки стала именно кошка?

— Что-то должно быть началом? Самое грустное, что вообще-то можно в любом жанре обойтись без начала. Только тогда результат будет не выше посредственного.

А почему именно кошка — я сам до конца понял только в Японии. Оказывается, у буддистов кошка на пороге дома — символ приветливости, доброжелательства, гостеприимства. Она не тявкнет на вас, как Бобик. А у русских, кстати, «кошка моется — гостей намывает».

И вот я, никакой не буддист, дошел, что я про кошку думал и думаю именно так. Да и вы так думаете. Вот уже мы и думаем вместе. А что еще нужно для номера!

В цирке ведь массы всяких радостей. Но вот для ребенка выйти на арену и погладить умную, знаменитую кошку, которой только что аплодировал весь цирк, — это гордость.

— ЮРА, что вы считаете самым главным в вашем клоунском образе?

— Не побоюсь начать с самого бросающегося в глаза, пусть и неприятного. Глупость.

Что ж, давайте рассмотрим ее. Глупо было бы считать, что дурак не думает. Он думает не меньше самого умного. Просто начинает слишком издали... И мы уже видим, как глупость получает другое имя. Простодушие.

Дальше. Главное в клоуне не то, что он глуп. А то, что он согласен быть глупым. Еще точнее — выглядеть глупым. Во имя чего?

...Слушайте, в цирке акробаты и жонглеры, и дрессировщики — все сильнее и ловче вас. А фокусник гораздо хитрее. Уберите клоуна — и цирк станет невыносимым зрелищем. Подавляющим.

А задача была другая... И на манеж выходит не просто ваш представитель, а человек, который все наши слабости возвел в себе в квадрат.

Теперь мы приближаемся к истинному образу. Временно обозначим его словом «доброта».

Так вот, клоун — это человек, тайно сильный, могущественный. Ему есть, чем поделиться. Со всеми, пришедшими сегодня на представление.

И чтобы назвать, наконец, искомое, я употребил бы старомодное слово «добротель».

— А ЧТО САМОЕ трудное в работе клоуна?

— Вы знаете, в ней все трудно.

Если Станиславский говорит, что зажим любой одной мышцы делает талантливого актера бездарным — то это относится и к вам. Значит, всю систему Станиславского вы должны сначала принять, потом пройти, затем вписать и, наконец, просто оставить в подсознании.

Но если дыханием лучше всех учат управлять йоги — значит и с их учением вы должны сделать все то же самое.

А вы знаете, что счастье сыграть нельзя? Значит, вы просто-напросто (всего лишь!) обязаны не играть, а быть счастливым каждый вечер.

Вам поможет аутогенная тренировка. Но еще больше — способность переступить через обязательно путающуюся в ногах неприятность. А то и беду.

Ну, а бывает и более частные трудности — но оттого, как известно, ничуть не менее опасные. Скажем, вы едете на гастроли в Японию. (Она просто к разговору к нам приходится, а вообще-то приходилось работать во многих странах).

Японцы народ очень тонкий, изысканно чувствующий, но крайне сдержанный. Они любят, видите ли, не саму вишню, а ее цветок. А цирку, особенно его клоуну, нужны эмоции, в общем-то, противоположные: яркие и в чем-то даже несдержанные.

Я сам против клоунской расхлябанности. Мой учитель, дедушка Кисс, говорил:

— Не дай бог тебе погрозить зрителю кулаком или кинуться ему в объятия. Ты тогда уже не клоун, подмастерье.

Но волна дружелюбия, исходящая от рядов, мне необходима. Иначе я не смогу работать. Что делать?

Японцев я «вычислял» теоретически. Ага, оказывается, у них самый натуральный культ детей. Это мне подходит. Со мной на арене еще чаще будут их дети.

Опять же кошки. Остальное дело техники. Я вышел и напрямую сказал, что кошкам, с которыми я работаю, необходимы аплодисменты.

Японцы народ крайне обязательный. Необходимы — пожалуйста...

— А КАК ВСЕ это началось?

— Отец пришел с работы в хорошем настроении. Пошли, говорит, в цирк. Смотри, говорит, какие клоуны. А ты знаешь, что они должны все уметь? Пойдем, к Попову сходим, он у нас на «Правде» слесарем работал.

За кулисами бродили долго, никакого Попова не нашли, Ладно, говорит отец, — завтра сходим.

На утро говорю:

— Пошли к Попову?

— К какому Попову, на работу пора, — говорит отец.

С тех самых семи лет я знал следующее:

1. Клоуны должны уметь все.

2. Происходят они из обычных людей, например, слесарей.

3. Рядом с радостью бывает разочарование, что-то не сбывается.

4. Я буду клоуном.

Ни в чем из этого я так больше ни разу в жизни и не усомнился. Даже когда меня несколько лет в цирковом училище не принимали, отказывали. Значит, надо в самодеятельность идти. Бокс нужен, гимнастика, акробатика. Потом, когда я стал лауреатом Всесоюзного циркового конкурса художественной самодеятельности, в училище уже позвали.

КОНЧАЕТСЯ все телефонным звонком. Опять с проходной. Принесли очередную кошку, а вахтерша не пускает. Говорит, своих полно...

А. АНДРЮШИН,
А. РОГОВ.